

ДОН НИГРО

МЕРЕДИТ

Дон Нигро

Мередит

«Автор»

1992–2018

Нигро Д.

Мерedit / Д. Нигро — «Автор», 1992–2018

Мерedit Черри, жительница Армитейджа, сыграла определенную роль в формировании характера Бена Палестрины – одного из главных персонажей саги «Пендрагон-Армитейдж».

© Нигро Д., 1992–2018

© Автор, 1992–2018

Содержание

1	6
2	10
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дон Нигро Мередит

Дон Нигро «Мередит/Meredith». Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Пьеса-коллаж включающая в себя короткие пьесы: «Зомби-радио/ **Zombie Radio**», «Петля/ **Loop**», «Лагуна/**Laguna**», «Франкенштейн/**Frankenstein**», «Лемурианские фрагменты/**Lemurian Fragments**», «Детский сад плотоядных растений/**A Child's Garden of Flesh-Eating Plants**», «Андромеда, прикованная голой к скале/ **Andromeda Chained Naked to Her Rock**», «Мотыльки/**Moths**».

Мередит Черри, жительница Армитейджа, сыграла определенную роль в формировании характера Бена Палестрины – одного из главных персонажей саги «Пендрагон-Армитейдж».

1

Мерedit 17 лет, и она пытается выяснить, как поведет себя Джим, которому 18, в случае ее беременности, когда поздним вечером они смотрят старый фильм про зомби. Пятилетний Бен Палестрина, за которым она присматривает, в это время уже сладко спит.

ЗОМБИ-РАДИО

Действующие лица:

МЕРЕДИТ ЧЕРРИ – 17 лет

ДЖИМ РЕЙНИ – 18 лет

Декорация:

Диван в гостиной кирпичного дома номер 405 по Армитейдж-Авеню в Армитейдже, маленьком городе на востоке штата Огайо. Осень 1954 г. МЕРЕДИТ и ДЖИМ сидят на диване, смотрят на экран невидимого черно-белого телевизора, стоящего на авансцене. Смотрят в темноте, так что освещает их только мертвенный отблеск экрана.

(Приглушенные звуки старого фильма ужасов, которые время от времени доносятся из телевизора. Они смотрят очень старый фильм, начала 1930-х годов. МЕРЕДИТ уютно устроилась под рукой ДЖИМА. Время позднее. Она присматривает за пятилетним Беном Палестриной, давно уложенным спать. В данный момент ест персик).

МЕРЕДИТ. Отличный фильм, правда?

ДЖИМ. Ты шутишь? Более глупого фильма я в своей жизни не видел. Актеры, которые изображают людей, так плохо играют, что больше похоже на зомби, чем люди, изображающие зомби.

МЕРЕДИТ. Это удивительно, какой впечатляющей может быть базарная музыка.

ДЖИМ. Что?

МЕРЕДИТ. Ноэль Коуард сказал это по радио. Он о том, что иногда что-то, сделанное не так и хорошо, может доставить массу удовольствия, создавая столь захватывающую атмосферу, что ты можешь в ней раствориться.

ДЖИМ. Не хочу я ни в чем растворяться. Я хочу смотреть что-то заслуживающее внимания. Скажем, футбол. Обязательно тебе есть этот чертов персик? Ты все закапала соком. У нас есть попкорн, а ты ешь персик.

МЕРЕДИТ. Хочется мне персиков. В последнее время у меня постоянно какие-то странные желания. Иногда я чувствую запах жарящегося бекона, хотя никто бекон не жарит. И еще я слышу в голове эти радиопередачи. Не настоящие. Словно есть волна, на которую настроена только я, вот я и слышу голоса, звуки, музыку. Обычно это больше всего похоже на звуковой фон, но иногда кто-то прибавляет громкости, и я что-то слышу отчетливо, а потом все вновь сливается в фон.

ДЖИМ. Правда? Словно Марс связывается с тобой? Орбитальный корабль вызывает Землю?

МЕРЕДИТ. Не думаю, что это сигналы с Марса. Не знаю, откуда они. И мне снятся кошмары, такие страшные. Я просыпаюсь ночью, вся в поту, трясущаяся, иду вниз и открываю

холодильник в темноте, потому что мне нравится, как свет из холодильника струится в темную кухню. Напоминает картинку Бога в моей старой книге библейских историй.

ДЖИМ. Значит, ты слышишь голоса, чувствуешь запах жарящегося бекона и думаешь, что Бог живет в твоём холодильнике?

МЕРЕДИТ. Нет, глупый. Не только в моем холодильнике. В каждом холодильнике. Раз Бог везде, значит, он и в холодильниках, так?

ДЖИМ. Думаешь, он и в унитазах?

МЕРЕДИТ. Я думаю, везде – значит везде. Если ты в это веришь. Не знаю, верю я или нет. Но меня не покидает чувство, что вокруг меня происходит что-то такое, чего я не понимаю. Словно я – радиоприемник, который не обеспечивает нужного качества приема, и я слышу далеко не все из того, что мне направлено, только обрывки разговоров, внезапные фрагменты откровений. Так бывает, когда слушаешь радио поздно ночью. И я иногда слушаю, когда не могу спать и спускаюсь вниз в три часа ночи, чтобы съесть сэндвич с луком и килькой. Может, мне просто не хочется снова засыпать, потому что мне снилось, как крысы пожирают младенца или что-то такое. И я постоянно все теряю. Потеряла ключи. Потеряла водительское удостоверение. Потеряла кота. Да только он вернулся. Потеряла девственность на заднем сидении твоего «шеви», когда мы смотрели в автокиноленте «Тварь из Черной лагуны». Ее уже не вернешь. Что-то ты находишь, а чего-то, потеряв, лишаешься навсегда. А навсегда – это долго. Как мы знаем из шлагеров, которые передают по радио. Еще я верю в призраков.

ДЖИМ. Никаких призраков нет. Они – такая же глупость, как и зомби.

МЕРЕДИТ. Знаешь, это не Каспер – Добрый Призрак. И не люди в простынях, как в «Трех клоунах». Я чувствую их присутствие рядом. Словно они наблюдают за нами.

ДЖИМ. Они наблюдали за тем, что мы сейчас делали на диване?

МЕРЕДИТ. Господи, надеюсь, что нет? То есть нет у тебя ощущения, что вокруг призраки, которые наблюдают за тобой?

ДЖИМ. Нет.

МЕРЕДИТ. Знаешь, почему ты мне сначала понравился? Ты был такой спокойный. Я решила, что у тебя богатый внутренний мир. Но, как выяснилось, тебе нечего было сказать.

ДЖИМ. Мне есть, что сказать. Просто нет у меня желания не закрывать рот, как делаешь ты. Есть у них еще пиво?

МЕРЕДИТ. Не можем мы выпить все пиво мистера Палестрины. Я сижу с их ребенком. Нельзя мне напиваться пьяной.

ДЖИМ. Но ты можешь трахаться со мной на их диване.

МЕРЕДИТ. Господи, и этого нам делать не стоило. Вдруг Бен спустился бы и увидел нас. Услышал какие-то звуки, спустился по лестнице и смотрел бы на нас от двери, когда мы этим занимались?

ДЖИМ. Тогда он – извращенец.

МЕРЕДИТ. Никакой он не извращенец. Он – маленький мальчик.

ДЖИМ. Он странный.

МЕРЕДИТ. Он не странный. Может, чуть-чуть странный. Но мне это нравится. И ко мне относится гораздо лучше, чем ты.

ДЖИМ. Он просто хочет увидеть тебя голой.

МЕРЕДИТ. Ему пять лет.

ДЖИМ. Я видел, как он смотрит на тебя в купальнике. Поверь мне, он хочет увидеть тебя голой.

МЕРЕДИТ. Но ты любишь детей, так?

ДЖИМ. Нет. От них только головная боль.

МЕРЕДИТ. И ты не хочешь, чтобы у тебя были дети?

ДЖИМ. Нет.

МЕРЕДИТ. Но у тебя будут дети, если мы поженимся.

ДЖИМ. Не хочу я жениться.

МЕРЕДИТ. Ты про сейчас или вообще? Не хочешь же ты оставаться один всю жизнь?

ДЖИМ. Я не один. Ты здесь. Во всяком случае, часть тебя. А другая, большая, где-то еще, слушает это чертово радио у себя в голове.

МЕРЕДИТ. Я не где-то еще. Лишь иногда почти что помню, что я где-то еще. И кто-то еще. Словно до того, как родилась.

ДЖИМ. Что за чушь.

МЕРЕДИТ. Это не чушь. По словам Бена, он почти что помнит, как был кем-то еще. В предыдущей жизни.

ДЖИМ. Бен чокнутый, как и ты. Второй такой странной девушки во всем городе не найти. И город этот довольно странный.

МЕРЕДИТ. Я думаю, будь у тебя ребенок, возиться с ним тебе бы понравилось. В смысле, если бы мы поженились, и он у нас появился.

ДЖИМ. Если мы поженимся и у нас появится ребенок, я шагну на пути перед первым же локомотивом.

МЕРЕДИТ. Ты шутишь.

ДЖИМ. Откуда ты знаешь?

МЕРЕДИТ. Такое возможно. Девушки беременеют. И что ты тогда сделаешь?

ДЖИМ. Прыгну в вагон товарняка и уеду во Фресно.

МЕРЕДИТ. Ты этого не сделаешь.

ДЖИМ. Я, скорее, умру. Как зомби в этом глупом фильме.

(Пауза. Звуки фильма из телевизора).

МЕРЕДИТ. Ты думаешь, зомби едят детей?

ДЖИМ. Я не знаю, что едят зомби. Мне пора. Мы с Клетисом завтра идем на охоту.

МЕРЕДИТ. Не понимаю, как ты можешь получать удовольствие от убийства.

ДЖИМ. Это человеческая природа. Убей или убьют тебя. Закон джунглей. Спроси голоса, которые слышишь по радио в твоей голове. Они тебе скажут.

МЕРЕДИТ. Не люблю я кого-то убивать. *(Пауза)*. Некоторые избавляются от своих детей до их рождения. Но я так никогда не сделаю. Скорее, умру сама.

ДЖИМ *(встает, чтобы уйти)*. Ладно. До скорого.

МЕРЕДИТ *(пытается его усадить)*. Подожди. Давай досмотрим фильм до конца.

ДЖИМ. Я знаю, чем закончится фильм. Они перебьют всех зомби. На том и фильму конец.

МЕРЕДИТ. Бедные зомби. Мне их жалко.

ДЖИМ. Тебе жалко зомби?

МЕРЕДИТ. Зомби – тоже люди.

ДЖИМ. Ты жалеешь всех. Жалеешь курицу, которую ешь. Жалеешь даже эту чертову Тварь из Черной лагуны. Ты плакала все время, пока мы занимались этим на заднем сидении.

МЕРЕДИТ. Он такой одинокий.

ДЖИМ. Он – чудовище.

МЕРЕДИТ. Он просто другой. Это не преступление, быть другим. Или, по крайней мере, не должно быть преступлением.

ДЖИМ. Круто. Идеальный для тебя парень. С плавниками и жабрами. Ты сможешь завести с ним детей. Младенцев с лягушачьими харями. Надеюсь, вы будете очень счастливы.

МЕРЕДИТ. Я хочу тебе кое-что сказать.

ДЖИМ. Скажешь позже.

МЕРЕДИТ. Позже я могу умереть.

ДЖИМ. Тогда вернешься, как зомби, и скажешь мне, пока будешь закусывать младенцем.

(Уходит).

МЕРЕДИТ. Да. Спасибо, Джим. Слушатель ты прекрасный. Придет день, когда из тебя получится отличный отец. *(Пауза. Она смотрит фильм).* Берегитесь, зомби. Они идут за вами. Любопытно, зомби слышат голоса в голове? Готова спорить, что слышат. Они всегда выглядят так, будто слушают то, чего мы услышать не можем. Может, все-таки лучше умереть? Или жить на дне лагуны? *(Пауза. Едва слышные звуки фильма. Она слушает что-то еще).* Что? Говорите громче. Я почти что разбираю слова. Будто кто-то пытается мне что-то сказать. Что вы пытаетесь мне сказать? Что мне делать? Скажите, что мне делать? Пожалуйста, скажите, что мне делать?

(Из телевизора доносятся несвязные крики. Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

2

Только что узнавшая о своей беременности Мередит задается вопросом, а нет ли в ней второй личности, которая, иной раз, подменяя ее, совершает неадекватные поступки.

ПЕТЛЯ

(МЕРЕДИТ, молодая женщина, говорит с нами в ночи, у озера, из круга света, окруженного темнотой).

МЕРЕДИТ. Это петля. Однажды попав в нее, выбраться невозможно. Я это уже говорила? Словно я где-то нахожусь и внезапно должна оттуда уходить. Если сотня веских причин, по которым мне нужно там оставаться, но я не могу. И никто не понимает, почему я ушла, я сама не понимаю, почему ушла, и они думают, что не понравились мне, и выискивают причины, побудившие меня уйти, хотя никаких причин нет, просто я ничего не могу с собой поделать. Разумного объяснения этому нет, меня вдруг охватывает отчаяние и всесокрушающая потребность убраться отсюда к чертовой матери. А потом мне стыдно. Я знаю, что поступила глупо, но ничего, ничего не могла поделать с собой. Люди этого не понимают. Я их оскорбляю. Причиняю им боль. Я не со зла. Объяснить это невозможно. Но я не могу перестать думать об этом. Снова и снова прокручиваю все в голове. Словно действительно плохой фильм, который ты не можешь остановить. Вроде «Твари из Черной лагуны». Он крутится в моей голове. Это петля. Я попала в нее, как в ловушку. И не могу вырваться. Вот фильм и крутится, снова и снова. Или я это уже говорила?

Ты стараешься. Думаешь, что, возможно, наконец-то стала хорошим человеком. По крайней мере, думаешь, что научилась изображать хорошего человека, вести себя, как хороший человек, хотя бы, как нормальный человек. А потом тебя ждет сюрприз. Застает врасплох, буквально вышибает почву из-под ног. И прежде чем ты успеваешь подумать, ты совершаешь нечто такое, чего и представить себе не можешь, но твой разум словно затянут туманом и ты, похоже, ничего не можешь с этим поделать. Ты знаешь: этого делать никак нельзя. Ты знаешь: люди поймут тебя неправильно. Ты знаешь: будь у тебя шанс подумать об этом, ты бы никогда так не поступила. Но шанса подумать у тебя нет. Все происходит до того, как ты отдаешь себе отчет. Словно делает это кто-то другой, а ты наблюдаешь, совершенно беспомощная. И ты знаешь, что будешь сожалеть. Но видишь, как, тем не менее, это делаешь. И думаешь: вот значит, каково это, быть алкоголиком? Или наркоманом? Или страдать навязчивостью по части мытья рук или протирания дверных ручек. Я говорю себе, что не собираюсь этого делать, а потом делаю, или делаю что-то другое, чего делать мне совершенно не хочется, но от меня ничего не зависит, я словно нахожусь где-то снаружи и наблюдаю со стороны, как делаю что-то невероятно глупое. Происходит все, как в замедленной съемке, мне хочется это остановить, но оно уже случилось, а потом мне так плохо, что я хочу умереть.

И я продолжаю прокручивать все в голове. А это бесполезно, потому что слишком поздно. Ущерб уже нанесен. Вернуть тот момент невозможно. Он ушел. Но только не для тебя. Потому что продолжает крутиться у тебя в голове. Ты уже это сказала. Ты уже это сделала. Человек обижен. Человек оскорблен. Человек чувствует себя преданным. Человек умер на железнодорожных рельсах. Человек утонул в озере. Младенец мертв. И ты никогда ничего не сможешь объяснить. Потому что ты не понимаешь себя. Это просто в тебе есть. И пятно от случившегося остается навечно. Даже если ты сможешь как-то объясниться, смысла в твоих словах никто не уловит, потому что ты сама не улавливаешь его, да и потом, содеянного не вернешь. Обратного хода нет. Только у тебя в голове, где все прокручивается снова и снова, как

старая поцарапанная пластинка в музыкальном автомате ресторана «Луна». Всякий раз причиняя тебе боль, но остановить пластинку ты не можешь. Все закольцовано. Я это уже говорила? Я это уже говорила. И говорю опять. Потому что не могу прекратить это говорить. Потому что не могу прекратить думать. И если мне больно, может, значения это не имеет, потому что я того заслуживаю. Но я причиняю боль и другим.

Я причиняю боль моему отцу. Я причиняю боль моим друзьям. Люди думают, что я чокнутая. И, вероятно, правы. Я выхожу из дома по ночам. Гуляю в темноте. Не могу остановить пластинку. Она крутится и крутится. Снова и снова. Я пытаюсь не сойти с ума. Пытаюсь выглядеть нормальной. Пытаюсь вести себя, как нормальная. А потом что-то происходит. Словно контроль переходит к другой личности. Словно в меня вселяется какой-то демон. Девушка в зеркале. Или инопланетянин. Всего лишь на момент, которого хватает, чтобы сделать что-то не то, сделать что-то глупое. И момент этот уже не вернуть. Ты причиняешь кому-то боль, или уходишь от кого-то, или говоришь что-то, делаешь что-то, позволяешь кому-то сделать что-то, чего уже не вернуть, и не можешь это объяснить, не можешь исправить. Словно загоняешь себя в ящик. Сама создаешь эту тюрьму, которая более всего похожа на гроб. В ней так одиноко. И я не хочу там оставаться. Я не хочу пребывать в этой западне. А еще это ощущение, будто весь мир сговорился, чтобы отправить тебя туда. Делает все, чтобы ты всегда была одна и никогда не обрела покой, и никогда не познала счастья, и никто никогда тебя не полюбил. Или понял. Если же они тебя любят, ты убегаешь от них, или оскорбляешь их, или причиняешь боль, или предаешь, а делаешь ты именно это, потому что попала в петлю. И не можешь из нее выбраться. Носишься по кругу. И не можешь выбраться. Не можешь выбраться.

Может, именно поэтому моя мать убежала и никогда не вернулась, потому что ничего не могла с собой поделаться. Не хотела обижать нас, но понимала, что из петли не вырваться. Вот и убежала, потому что больше не могла видеть боль в глазах моего отца, которую я тоже не могу видеть. Потому что он хочет понять, но не может. Никто не может. Это было в ней. Чем бы ни было. И теперь есть во мне. Я должна выбраться отсюда. Только идти мне некуда. И ты думаешь: «Я ненавижу этот фильм. Это фильм, на котором я лишалась девственности и залетала, в кинотеатре для автомобилей, пока эта тварь выбиралась из Черной лагуны». Там я потеряла невинность. Там я потеряла душу. И не могу их вернуть. Потому что фильм проигрывается снова и снова. Тварь вылезает из воды. И блевотина лезет изо рта. Я закрываю рот рукой. Я встаю и убегаю. Словно что-то за мной гонится. Я просто должна выбраться отсюда. И что-то во мне. Младенец во мне. И я не могу сказать моему отцу. Я не могу сказать никому. Потому что никто не поймет. И никто не понимает. Никто не понимает. И младенец растет. И я не знаю, что делать. И я не могу перестать думать. И я не могу объяснить. И меня несет и несет по петле. И тварь приближается, чтобы утащить меня в воду. И я не хочу оставаться здесь. И мне некуда идти. И я не могу объяснить. Никогда не смогу объяснить. Я это уже говорила?

(Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

3

Восемнадцатилетняя Мерedit пытается понять, что ей делать, рассказать о беременности отцу или утопиться в озере, где ее ждет Тварь из Черной лагуны, жаброчеловек, голос которого она постоянно слышит в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.